

Разведгруппа «зелёных» таится в воронкообразной ложбинке на краю неубранного кукурузного поля, наблюдая за передвиже-

ниями в расположении «синих» и за девчонками, купающимися в реке с бело-жёлтыми кувшинками.

Принудив содрогнуться, из зарос-

лей беззвучно возник вдруг неведомый клыкастый зверюга с крупную собаку, поводил, принохиваясь, свирепой мордой с аспидно-чёрными атласными зрачками, отступил, привстав на задние лапы, пропал за двухметровыми стволами подсолнухов.

– Чернобыльский мутант, – прошептал Кирилл (или просто Кир) из Полтавы.

– Це вампир Чупакабра, що втик (что сбежал) из секретных лабораторий, – неуверенно предположил местный Левко (просто Лев).

– Посланник ада, – безапелляционно заявил радист с позывным «Третий Рим», выходя из оцепенения.

А в наблюдаемом пространстве – покой и умиротворение: поселянин в клетчатой рубаше на велосипеде с мешком сена и вплетёнными в спицы колёс разноцветными лентами, подвода, пересчитывающая брёвна моста. За оврагом, там, где на старой карте обозначен луг, новопостроенный обширный посёлок из крепких жилых домов пригорода районного центра Донецкой области.

В окуляре бинокля – высокие белые лилии в палисадниках; вдоль плетня две колеи, разделённые травяным гребнем, подобным ирокезу панка, ведут к деревянному мостику над омутом. Разновеликие копны. Серый, без коры, ствол одинокого дерева с вырезанными на нём загадочными инициалами «Z.E.T.» и крохотной живой зелёной кроной стоит на развилке полевой дороги, за которой угадываются окопы условного противника.

У лесопосадки ушли глубоко в землю широкими ободами два давным-давно брошенных огромных, выше человеческого роста, железных колеса исполинского механизма эпохи паровой тяги. Рыжий металл густо объят сиреневыми вьюнками. Плюшевые байбаки торчат не вбитыми до конца чопиками на едва приметных бугорках лысого заполья. Разомлев

от полуденной жары, уже не сигают в норы, завидев приближение очередной шишиги (ГАЗ-66) с наращенными бортами, обременёнными прямой пирамидой кукурузного силоса молочно-восковой спелости.

– Эдемские тут у нас пейзажи! Правда, днями був у Черкассах, парк красивише, каскади, водоспади спускаются до Днепра, – Левко пригладил чёрные вислые усы. – Русалка там на камени сидить посеред озерця.

«Третий Рим» достал последнюю сигарету «Прима», отбросил смятую пачку:

– Всё это есть лишь живописные осколки исчезающей Красной Империи.

Кир резво вскочил, зарычал утробно, подражая горилле и стуча себя в грудь кулаками боксёра-разрядника:

– Мы! Последние солдаты гибнущей Империи! «Синих» в плен не брать!

В ответ рыку самца резкий порыв ветра сменил силуэтные очертания прибрежных кустов под тяжёлыми вербами, за которыми переодеваются в сухое местные «русалки», донёс нарочито испуганные взвизги и прикатил в дар соломенную шляпку, пахнущую дегтярным мылом.

Пора возвращаться восвояси с докладом о полном несоответствии карты местности издания 1953 года сегодняшней планировке конца восьмидесятых и по возможности вздремнуть на позициях после изнурительного ночного марш-броска на учебных сборах военнообязанных запаса Советской Армии.

Сон одолел троицу. В просвете каких-то вех подождённая термитной бомбой пылала рожь. То ли свои, то ли чужие скользили по влажному кровавому склону и падали, вжав подбородки в песок. Тяжёлые вербы калечила пулемётная очередь. Взрывы снарядов сметали ухоженные

домики, отсутствующие на двухкилометровой. Это всего лишь только учения, думалось во сне. Раненного в шею Кирилла покидала душа. Она устремилась ввысь, всё уменьшаясь. В погоне за своей сутью, запрокинув коротко стриженную голову на спину, бежал он по-собачьи, наступая сапогами на большие пальцы рук. Уткнулся в Левко, скорчившегося на боку, вжимая тангенту. Через наушники кто-то кричал в его мёртвые уши: «„Третий Рим!“ „Третий Рим!“ Я „Пластилиновая Ворона!“ Воздух праворуч (справа)!» Вдруг учуял себя плывущим под водой. Открыл глаза и сквозь розовато-лиловый кисель увидел над собой церковную пресную просфору тусклого света. Плыл рывками вверх на поверхность, боясь наглотаться. Память клеток сработала в нём, сместила время, и на месте ушей, искусанных мошкаркой, щупал он жабры и дышал ими.

Дрогнули и поплыли по рельсам в сторону аккуратных окопчиков фанерные макеты танков. Перед ними ветер погнал свинцовую завесу из пыли. Гладкая корова брела в отдалении в поисках чего-то потерянного. Зелёные макеты манили её тракторным подобием, а «партизан» принимала она за отдыхающих трактористов: «Му-у-ужики».

Кир очнулся от дурного сна, сунул пилотку под погон, из котелка смочил затылок, о чём-то хотел поведать «Третьему Риму», потирая шею, но был прерван ожидаемой зычной командой, воспринятой спросонок своеобразной побудкой:

– Внимание, танки! Приготовиться к атаке! Цепью, дистанция шесть метров!

Зады «танков», проплывших над окопами, бодро и звонко забросали деревянными гранатами-колотушками. Поднялись разом под хлопки холостых патронов, шли быстрым шагом и бежали. Так спешат дети к

протянутым навстречу тёплым родительским рукам, так бежали предки в хладные объятия вечности. Взбитая сапогами перга повисла в воздухе, неспешно и непрошено опыляя цветущее высокорослое разнотравье. Над картофельной ботвой – согбенная фигура с тяпкой.

– Бабушка, «синие» здесь не пробегали?

– Яка я тобі бабуса?!

Земледелица выпрямилась. Будто подтверждая её слова, тонкая ткань летнего платья, овеваемая горячим воздухом, плотно легла на упругое потное тело, явив миру волнующую геометрию женских прелестей славянских дочерей Евы.

– Венера Дебальцевская! На пляже в шесть! – выдохнул на бегу Кир.

– Звидки (откуда) знаете, як мене зовуть?

– Здається мені, що вона без неглиже, – бормотал угрюмо самый старший по возрасту, а потому самый проникательный Левко Кавун, переходя на шаг.

Перестроившись в колонну по одному, наступающая рота миновала проволочные заграждения и с криком «Ура!» ворвалась в окопы «синих».

В военно-полевом палаточном лагере, устроенном в тенистом сосновом бору, наступил «личный» час. Последние резервисты гибнущей Империи, сняв сапоги, сушили портянки. Лев, утомлённый военными играми, дремал в двухместной офицерской палатке, накрыв лицо влажным полотенцем и представляя себя милующимся в объятиях с дружиной (супругой), которой никак не удаётся забеременеть. Радист, растянувшись на лавке, вкопанной в землю, созерцал падение сосновых шишек и выдумывал стихи: «Каждую среду троллейбусом первым до площади еду». Кир сбежал в самоволку. На границе дислокации заметил – и посчитал это добрым знаком – растущую дневную

Луну, парившую белёсым облачком ядовитой пыльцы царской лилии в барвинковых небесах над новостройками посёлка Новосчастье.

Он ещё не знал, что через много лет поселится в этих краях по соседству с белокурым приёмным сыном рано ушедшего Левко, ныне ополченцем с позывным «Третий Рим». Что, переправляясь с женой, академиком

ВАОИ (Всеукраинская Академия оригинальных идей) Венерой Савватьевной, и другими беженцами на русский берег реки, погибнет в день столетнего юбилея вступления Российской империи в Первую мировую войну (1 августа 1914 года) и что дневная Луна подобна Солнцу, если смотреть на светило сквозь толщу серебряных вод Северского Донца.